

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7 Сое)-44
Т56

Kara Thomas
DARKEST CORNERS

Печатается с разрешения литературных агентств
New Leaf Literary & Media, Inc и Andrew Nurnberg.

Томас, Кара.
Т56 Где скрывается правда. [роман] / Кара Томас; пер.
с англ. Л. Бородина. – Москва: Издательство АСТ, 2019. –
384 с. – (Молодежный психологический триллер).

ISBN 978-5-17-112520-2

Призраки живут в каждом уголке Фейетта, маленького городка в штате Пенсильвания, который Тесса покинула много лет назад. С тех пор она старалась не вспоминать, что случилось тем летом, когда ей было девять. Ведь если намеренно не думать о плохом, мрачные воспоминания навсегда будут погребены в глубинах подсознания. Кэлли никогда не покидала Фейетт и всегда смело смотрела в лицо своим демонам, ведь если их не бояться, возможно, однажды они исчезнут.

В глубине души Тесса всегда хотела докопаться до истины. Теперь, когда ей представился шанс вернуться в город детства, она может найти ответы на все вопросы. Но в своем стремлении докопаться до истины девушка не догадывается, что ее собственная жизнь в огромной опасности.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7 Сое)-44

Copyright © 2016 by Kara Thomas
© Л.Бородина, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-112520-2

Кевину Томасу

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как мучительно ждать рейса в аэропорту Атланты, когда его еще и отложили на два часа.

Не успела я присесть, как женщина справа от меня начала следить за мной взглядом. Сразу видно: она из тех, кому достаточно услышать твое дыхание, чтобы завязать разговор.

Только не смотреть ей в глаза. Я повторяю эти слова в голове как мантру, пока ищу свой «айпод». «Эпл» не выпускает такие уже лет семь, да и экран на нем треснул, но я все равно всегда беру старый плеер с собой.

В носу начинает свербеть. Женщина подсаживается ко мне. *Только не смотреть ей в глаза и уж ни в коем случае...*

Я чихаю.

Блин.

— Будь здорова, милая! Жарко здесь, правда? — Женщина обмахивается посадочным талоном. Она чем-то напоминает мою бабушку: хоть и пожилая, но охотней проведет время у стойки с косметикой от «Клиник», а не в общественном клубе за бинго. Я неуверенно киваю.

Она улыбается и придвигается ближе к моему подлокотнику. Я пытаюсь понять, что она может подумать

обо мне. Видок у меня еще тот: жирные волосы, собранные в пучок, черные штаны и кофта с V-образным вырезом (не успела сменить униформу «Чилис»), между ног зажат рюкзак. Ей наверняка кажется, что я нуждаюсь в чьей-нибудь заботе.

— Так откуда ты? — спрашивает она.

Странный вопрос. В аэропорту обычно спрашивают, куда летишь.

Я слглатываю слюну, чтобы прочистить горло.

— Из Флориды.

Она продолжает обмахиваться посадочным талоном. От нее пахнет потом и пудрой.

— А, Флорида. Чудесно.

Не очень. Флорида — город, куда люди уезжают умирать.

— Бывают места и похуже, — говорю я. Уж я-то знаю: по сравнению с тем, куда я сейчас лечу, Флорида — еще цветочки.

Когда менеджер сказала, что мне звонят, я уже знала: кто-то умирает. Пока я шла из кухни в кабинет, чтобы ответить, я убедилась, что это бабушка. Когда из трубки послышался ее голос, я думала, что меня снесет волной облегчения.

Но потом она сказала:

— Тесса, твой отец умирает.

Как она объяснила, от рака поджелудочной железы, в четвертой стадии. Даже если бы тюремные врачи заметили раньше, это не сыграло бы особой роли.

У начальника тюрьмы ушло три дня на то, чтобы меня разыскать. Папин тюремный надзиратель позвонил домой, пока я ехала на работу.

Бабушка сказала, что он может не пережить эту ночь, и поэтому, когда она забрала меня из «Чилис», на пассажирском сиденье уже лежал собранный для меня рюкзак. Она бы отправилась со мной, но у нас не было времени получить у кардиолога разрешение на полет. Да и к чему тратиться на второй билет? Гленн Лоуэлл ей не сын. Она с ним даже ни разу не виделась.

В аэропорту я купила билет до Питтсбурга. Он обошелся мне на двести долларов дороже, чем тот, что я забронировала заранее. Из-за этого я чуть не послала всю эту поездку к чертям. Я долго копила деньги, чтобы осенью хватило на новые учебники.

Вы наверняка думаете: что за человек оставит родного отца умирать в одиночестве из-за каких-то двухсот баксов? Но мой отец за гораздо меньшую сумму — всего за какую-то пачку сигарет — чуть не застрелил владельца магазина.

Собственно, в том и суть. Не то чтобы мне не хотелось проститься — просто отец для меня умер уже десять лет назад, когда судья приговорил его к пожизненному заключению.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В аэропорту Питтсбурга меня уже ждет Мэгги Гринвуд. Со дня нашей последней встречи ее волосы значительно посветлели, а сама она поправилась на несколько килограммов.

Прошло целых восемь лет. С тех пор почти ничто не изменилось, и мне не нравится думать об этом. Гринвуды опять подбирают меня, словно бродячую кошку. На этот раз я хотя бы откормленная: джинсы в обтяжку на меня уже еле налезают. Видимо, из-за обедов в «Чилис».

— О, милая. — Мэгги притягивает меня к себе и закрывает в объятия. Я морщусь, но собираюсь с силами и обнимаю ее в ответ. Она хватает меня за плечи и изо всех сил старается выглядеть печальной, но потом снова невольно начинает улыбаться. Интересно, что она думает обо мне сейчас? Я уже не та тощая, угрюмая девчушка с волосами до пояса, какой она меня помнит.

Мама никогда не стригла мне волосы. Теперь я не отращиваю их ниже плеч.

— Привет, Мэгги.

Она приобнимает меня за талию, и мы вместе направляемся к парковке.

— Кэлли хотела прийти, но ей сегодня нужно было лечь спать пораньше.

Я киваю, надеясь, что Мэгги не заметила, как меня передернуло от одного звука имени ее дочери.

— Завтра утром у нее соревнования по вращению жезла, — продолжает она. Не знаю, кого она пытается в этом убедить. Я-то прекрасно понимаю, что это чушь собачья: Кэлли не пришла бы, даже если бы Мэгги потащила ее за собой на поводке.

— Значит, она до сих пор этим занимается? — говорю я. Я бы спросила начистоту: неужели жезлы все еще крутят, да еще и называют это спортом? Но грубить все-таки не хочу.

— Да. Она получила грант на обучение. — У Мэгги улыбка до ушей. — В Восточном Страудсбурге. Подумывает поступить на факультет физической культуры.

Естественно, я обо всем этом осведомлена. Знаю, с кем до сих пор дружит Кэлли (в основном с Сабриной Хейс), чем она завтракала на прошлой неделе (маффин с сахаром и корицей из буфета Джима), как сильно ей хочется уехать из Фейетта (произносится как «Фэйит», население — пять тысяч человек) и что до ее тусовок далеко даже первокурсникам колледжей.

Хоть мы с Кэлли Гринвуд не разговаривали восемь лет, я знаю о ней почти все, кроме ответа на один вопрос, который мне отчаянно надо знать.

Думает ли она об этом до сих пор?

— Твоя бабушка сказала, что ты остановила свой выбор на Тампе.

Я киваю и прижимаюсь лбом к стеклу.

Когда я сказала бабуле, что поступила в Университет Тампы, она посоветовала мне хорошенько обдумать, готова ли я учиться в большом городе. Города пережевывают людей заживо, а потом выплевывают.

Когда Мэгги вырывается из аэропорта на трассу, ведущую в Фейетт, я думаю о том, что лучше быть пережеванной и выплюнутой, чем проглоченной целиком.

Мэгги останавливает машину у двухэтажного сельского дома, выкрашенного в белый цвет. В детстве он казался мне в два раза больше. Мы хлопаем дверьми минивэна, из-за чего соседские собаки тут же начинают буйнить. Уже почти час ночи. Через несколько часов муж Мэгги, Рик, начнет готовиться к развозу хлеба. Мне становится стыдно, когда я понимаю, что он, наверное, все еще ждет Мэгги, беспокоится, как она доберется до дома. Он ведь хороший муж.

Мой отец таким не был. Мама вся изводилась от беспокойства, пока ждала его домой. Когда он наконец соизволял явиться, от него за версту несло виски «Джонни Уокер».

Когда мы доходим до крыльца, собаки уже устают тявкать и успокаиваются. У каждого квартала Фейетта, как у человека, есть своя душа. Почти весь район Гринвудов населяют рабочие семьи, в которых все встают за светом. Но, как бы члены этих семей ни уставали за день, они каждый вечер ужинают все вместе за одним столом.

Вспоминая квартал, в котором прошло мое детство, я начинаю злиться. В голову лезут мысли об облезлых домах, прижатых друг к другу так плотно, что можно заглянуть к соседу на кухню, о злых стариках, которые сидят на крыльце и весь день жалуются на кабельное телевидение, демократов и задержку пенсий.

Раньше Гринвуды жили с нами в одном квартале. Они переехали за год до того, как я уехала жить к бабуле. С шести лет я привыкла ходить к ним в гости, через

дорогу, чтобы поиграть с Кэлли, и тогда это стало мне недоступно.

Мэгги отпирает парадную дверь, и разница заметна сразу же. Мне хочется спросить, скучает ли она по старому дому так же, как и я.

Но нет, конечно, не скучает. А учитывая, что случилось в том доме, такой вопрос точно сделает меня здесь нежеланной гостьей.

— Хочешь есть? — спрашивает Мэгги, запирая за собой дверь. — Я знаю, что в самолетах перестали кормить. У нас еще осталась лазанья.

Я качаю головой.

— Я просто... очень устала.

Мэгги смотрит на меня сочувственно, и я замечаю на ее лице морщины, которых не было восемь лет назад. Наверное, она думает, что я расстроена из-за того, что отец умирает.

Ту Тессу, которую она помнит, это бы расстроило. Та Тесса плакала бы, кричала, просила вернуть папу — точь-в-точь как в тот день, когда полицейские вломились к нам в дом и вывели его в наручниках.

Мэгги не знает, что ту, старую, Тессу подменили чудовищем, которое дожидаться не может, когда отец сдохнет. Тогда наконец можно будет вернуться домой.

— Еще бы. — Мэгги сжимает мое плечо. — Давай-ка уложим тебя спать.

Мне удастся уснуть только под утро, когда восходит солнце.

Я очень хотела бы принять душ, но не знаю, где Гринвуды хранят полотенца. В их старом доме в ванной стоял специальный шкаф с бельем, но здесь его

нет. Я не хочу спускаться и просить у Мэгги полотенце, поэтому просто умываюсь и вытираю лицо полотенцем для рук.

Не люблю просить. У меня эта черта с детства, а когда бабушка привезла меня во Флориду, стало только хуже. Пока она еще не переделала свой кабинет под спальню для меня, я спала на выдвижной кровати. Жалюзи на окнах не было, поэтому каждый день в шесть утра меня будил солнечный свет, и я уже не могла уснуть.

Я стала спать на полу под выдвижной кроватью, потому что там было темно. Бабушка узнала об этом только спустя месяц. Теперь в моей комнате есть жалюзи, но я до сих пор иногда забираюсь под кровать, если не могу уснуть, и рассматриваю пружины словно созвездия.

Этой ночью я даже не пыталась уснуть. Умывшись, нахожу под раковиной «листерин» и полощу рот. Расчесываться и переделывать пучок я не стала. Какой в этом толк? Выглядеть хуже отца я все равно не буду.

Когда я спускаюсь, Мэгги готовит французские тосты. На кухонной стойке клокочет кофеварка.

— Молоко или сливки? — спрашивает она, пальцем указывая на кружку, которую оставила для меня. Мне не хватает духа сказать, что я терпеть не могу кофе. Я пожимаю плечами.

— Без разницы.

Мэгги наклоняет сковороду и переворачивает кусок хлеба.

— Я пыталась поднять Кэлли, но ей нездоровится.

Я сажусь за стол. В три часа ночи я слышала, как Кэлли кралась по дому. Сейчас у нее явно похмелье. С тех пор как Кэлли перешла в старшую школу, ее

страницу на «Фейсбуке» буквально заполнили типичные тусовочные фотографии с красными пластиковыми стаканчиками.

— Пропустит ведь соревнования. — Мэгги хмурится, чуть-чуть уменьшая огонь на плите. — Но ничего, позволю ей отдохнуть на этот раз. На дворе лето.

Я напрягаюсь, когда понимаю, что у Кэлли, скорее всего, не получится избежать меня весь день, особенно если ее мать будет изо всех сил настаивать на нашей встрече.

Я отчаянно пыталась связаться с Кэлли, когда переехала во Флориду. Звонила ежедневно на протяжении целой недели. Каждый раз отвечала Мэгги. Кэлли все время была занята: тренировками по вращению жезла, велосипедными прогулками с Ариэль Каучински, домашней работой. Голос у Мэгги с каждым днем становился все жалобнее и отчаяннее. Она не хотела, чтобы я сдавалась.

В конце концов я стала затягивать со звонками. Сначала звонила раз в неделю, потом — раз в месяц, а позже и вовсе перестала.

В прошлом году Мэгги поздравила меня с днем рождения и отправила открытку на Рождество. О Кэлли мы не говорили.

Три года назад я увидела Кэлли там, где уж точно не ожидала: на форуме, посвященном обсуждению суда над «огайским речным монстром». Она оставила в обсуждении всего один комментарий — две строчки, в которых сказала остальным комментаторам заткнуться: мол, что они могут знать об этом деле, кучка недоделанных адвокатов, живущих в мамкином подвале. Потом она вышла из аккаунта со словами «*Уайатт Стоукс — убийца*», так и не удостоив ответом кучу